

А. П. ЗАБЛОЦКИЙ-ДЕСЯТОВСКИЙ

Граф П. Д. Киселев и его время

<Фрагменты>

Глава XXIV

1834–1835 год

Киселев в Одессе и Тульчине

Оставив Яссы, Киселев¹ в тот же день (11 апреля), переехал Прут и ночевал в Скулянах, откуда, чрез Кишинев и Бендеры, 14 апреля приехал в Одессу, где нашел графа Воронцова² и сестру своей жены, Нарышкину.

Из Одессы он направился на Тульчин, куда приехал 27 апреля и провел там три дня. Он хотел видеть еще раз те места, с которыми связывалось для него столько воспоминаний, места, где он провел столько счастливых и столько тяжких для него дней³. В дневнике его записано:

«27 апреля: Toulchin; mes chambres, emotions.

28 апреля: promenades au jardin, emotions»

30 апреля Павел Дмитриевич оставил Тульчин и по белорусско-му тракту отправился в Петербург, куда приехал 8-го мая.

Приезд в С.-Петербург; прием Императора

На другой день от 8¹/₂ до 10 ч. вечера Киселев был у Государя, который принял его весьма милостиво и благодарил за услуги, оказанные им России в деле столь же важном, как и трудном⁴.

— Я читал твой⁵ отчет, — сказал Государь, — и прочитал его весь с большим удовольствием.

— Уже ли Ваше Величество, — отвечал Киселев, — приняли труд Сами прочесть эту толстую тетрадь, в которой много вещей бесполезных?

Слова Государя об освобождении крестьян.

— Вовсе нет, — отвечал Император, — я посвятил три вечера на это чтение, отметил страницы, наиболее обратившие на себя мое внимание, и просил Великую Княжну Марию⁶ сделать мне извлечение... Вот оно, — прибавил Государь, открывая папку с бумагами. — Меня в особенности заинтересовало одно место: это то, в котором ты говоришь об освобождении крестьян; мы займемся этим когда-нибудь; я знаю, что могу рассчитывать на тебя, ибо мы оба имеем те же идеи, питаем те же чувства в этом важном вопросе, которого Мои министры не понимают и который их пугает. Видишь ли, — продолжал Государь, указывая рукою на картоны, стоявшие на полках кабинета, — здесь Я со вступления Моего на престол собрал все бумаги, относящиеся до процесса, который я хочу вести против рабства, когда наступит время, чтобы освободить крестьян во всей империи.

«Киселев, — замечает Лакруа⁷, — не мог забыть этих слов, вырвавшихся у Государя в минуту откровенности»*.

Павел Дмитриевич имел намерение летом отправиться за границу к минеральным водам, но должен был отложить это намерение и оставался все лето в Петербурге.

<...>

Глава XXV 1835–1836 год

Возвращение Киселева в С.-Петербург и прием его Государем 26-го февраля 1835 года

Киселев возвратился в С.-Петербург, и 28-го был принят милостиво Государем и Императрицею. В тот же день он писал в Москву брату, Сергею Дмитриевичу: «Я приехал третьего дня в столицу — вместе с известием о смерти Императора Австрийского, о коем Государь душевно сожалеет. Его Величеству угодно было прислать

* P. Lacroix. Histoire de la vie et du regne de Nicolas 1-er. T. VI. p.

за мною фельдъегеря и принять меня с особенною благосклонностью; Государыня тут же пригласила к своему столу, а вечером должен ехать к Его Высочеству — вот мой день... Я успел доложить Государю, говорившему мне о Совете, что до возвращения от вод я худой буду советник; после нескольких расспросов Его Величество согласился мне позволить желанную поездку, но на самое короткое и необходимое время. Вот для меня результат чрезмерно важный и который я считаю наискорейшим успехом. Вероятно, это даст мне случай с тобою, любезный друг, видеться; в наши лета свидание начинает быть необходимым, ибо жизнь утекает быстро, на будущее надеяться не должно».

Вступление Киселева в Государственный Совет

4 марта Киселев явился в первый раз в Общее Собрание Государственного Совета, а 15 марта присутствовал в первый же раз в Департаменте Государственной Экономии. 13 марта он писал брату: «С приезда моего в столицу, назначения к местам следуют беспрерывно. Ласки, мне оказываемые, более к тому возбуждают публику, а поистине ничего нет и не будет. Люди, доверия заслуживающие, сказывали мне, что к назначению в Париж я был ближе других, но по другим уверениям, Государь предпочел меня здесь оставить. Сколько тут правды, не знаю, но пишу о сем как о вероподобном по многим замечаниям моим и прошу не разглашать это сообщение мое, для тебя токмо писанное и для Закревского⁸, которому прошу прочесть эту статью». Последнее поручение брату относительно Закревского было ответом на его письмо от 7 марта 1835 года, в котором он спрашивал Павла Дмитриевича, было ли ему предложение «о принятии какой либо важной должности?»

Назначение Киселева в секретный комитет по крестьянскому делу

В это время Государем был учрежден секретный комитет «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий»⁹, в который назначены были, под председательством графа Васильчикова, членами: Сперанский¹⁰, граф Канкрин, Киселев и Дашков¹¹. Прежде чем этот комитет приступил к возложенному на него поручению, граф Канкрин, докладывая Государю о том, что

«составляемое в министерстве финансов положение об устройстве государственных крестьян вскоре будет приведено в исполнение», испросил 9 апреля Высочайшее повеление для дальнейшего рассмотрения этого дела учредить особый комитет из тех же лиц, которые были назначены в вышеупомянутый комитет по общему крестьянскому делу. Предположение комитета относительно казенных крестьян. В начале мая проект положения об управлении казенных крестьян граф Канкрин внес в комитет, который признал, что этот проект должен составить одно целое с общим делом об улучшении состояния крестьян разных званий в государстве. «К достижению этого улучшения, по мнению комитета, не было другого способа, как “установление для крестьян верного и со всею осторожностью размеренного перехода с одной степени на высшую”. Эти степени устанавливались комитетом три: 1) состояние крепостных крестьян с ограничением владельца трехдневною работою; 2) состояние крестьян, обязанных мерною работою; 3) состояние крестьян, пользующихся правом свободного перехода от одного владельца к другому и обрабатывающих помещичьи земли на основании заключенных договоров». «Переходом крестьян на третью степень, или совершенно в положение крестьян остзейских губерний, удовлетворилась бы потребность государственная, столь важная для будущего спокойствия и процветания России». Каким образом эти степени могли быть применены к казенным или государственным крестьянам, людям уже свободным? Это комитет обходил молчанием. Мысль о переходных для крестьян «степенях» принадлежала графу Канкрину, который с другой стороны в комитете говорил о своем проекте управления казенными крестьянами, что он ни к чему не приведет.

Отъезд Киселева за границу; письмо к матери

Возвращение в С.-Петербург;

возобновление занятий комитета и безуспешность их

28 октября Киселев возвратился в С.-Петербург¹². Из дневника его видно, что заседания комитета «об улучшении состояния крестьян» возобновились осенью 1835 года и продолжались в январе 1836 года, но не приводили ни к каким положительным результатам. Государь не мог не знать о том, что происходило в комитете. Он скоро понял, что поднятое Им дело об устройстве крестьян вообще не обещает скорых успехов, особенно дело о помещичьих

крестьянах; Ему были известны и мысли Сперанского, которому Он наиболее доверял в этом, — а Сперанский говорил в комитете, что по делу о помещичьих крестьянах он не ожидает успеха; он, не скрывал, конечно, такого взгляда и пред Государем; наконец, Сперанский еще в 1827 году доказывал, что первым шагом к преобразованию крепостного права должно быть устройство казенных крестьян, о которых он писал тогда, что «этот род людей беднеет и разоряется не менее крестьян помещичьих. Работы и повинности их также неопределенны. С одной десятины худой земли казенный крестьянин платит столько же оброку, несет столько же разнообразных земских и волостных повинностей, как другие с восьми или более десятин. Земские исправники суть те же помещики, с тою только разностью, что они переменяются и что на них есть некоторые способы к управе; но взамен того, сии трехлетние владельцы не имеют никаких побуждений беречь крестьян, коих они ни себе, ни потомству не прочат». Мысль Государя выделить из общего вопроса о крестьянах дело об устройстве казенных крестьян. Все это естественно навело Государя на мысль, выделить из общего вопроса о крестьянах дело об устройстве казенных крестьян, дело, в котором нельзя было ожидать многосторонней и упорной оппозиции и которое поэтому могло быть приведено к окончанию в непродолжительное время. Государь считал, что с большею уверенностью можно ожидать успеха, когда все дело будет возложено не на коллегиальное учреждение, а непосредственно на одно лицо. Но кому поручить это дело? Канкрин ближе всего к нему стоял; но, составив по поручению Государственного Совета проект о преобразовании управления государственных крестьян, он сам признавал его непригодность.

Разговор Государя с Киселевым

Вот разговор Государя с Киселевым, записанный последним по возвращении из дворца. «1836 года февраля 17. Я имел честь обедать у Его Императорского Величества с графами Головкиным и Бенкендорфом¹³. После обеда, по отъезде сих господ, Государь приказал мне остаться и, посадив меня противу Своего стула, начал следующий разговор: “Мне с тобою нужно объясниться по делу, которое тебе известно, ибо ты, кажется, в комитете с Васильчиковым. Дело об устройстве крестьян (казенных). Я давно убедился в необходимости преобразования их положения;

но министр финансов, от упрямства или неумения, находит это невозможным. Я его знаю и потому настаивал на необходимости заняться пристально и, увидев, что с ним это дело не пойдет, решился приступить к нему Сам и положить основание под личным своим руководством. Я желаю прежде всего сделать испытание на Петербургской губернии и, как во всяком преобразовании надо прежде всего иметь ясное понятие о том, что есть, то размежевание земель, которое Канкрин всегда представляет невозможным, должно быть первоначальным действием этого занятия. Я приказывал Сперанскому объясниться по сему с Шубертом* и получил в ответ, что он имеет возможность дать на сей предмет свое пособие; вот начало, — но тут много подробностей, которыми и некогда Мне заниматься и которые, признаюсь, Мне мало знакомы. Посему Мне нужен помощник и, как Я твои мысли на этот предмет знаю, то хочу тебя просить принять все это дело под свое попечение и заняться со мною предварительным, примерным устройством этих крестьян, после чего мы перейдем в другие губернии и мало-помалу круг нашего действия расширится. Канкрин сам уже убедился, что на нынешнем основании от департамента успеха ожидать не можно, а Я ему доказал, по прочтении входящих и исходящих бумаг за целую неделю**, что они пишут вздор, что он бумаг этих не видит, и что все дело идет без толку. Поручить же преобразование петербургских крестьян Эссену***, — кроме вздора ничего не будет. А потому не откажи Мне и прими на себя труд этот в помощь Мне”. Я встал и сказал Государю, что готов с душевным удовольствием посвятить все свои силы и усердие на дело столь важное и тем более для меня лестное, что я почитаю устройство крестьян как дело великое Его царствования и как дело необходимое для будущего спокойствия государства; что я готов быть Его секретарем, лишь бы я мог иметь ту силу нравственную в делах, которая необходима для успеха; что министры финансов и внутренних дел это новое учреждение не будут видеть с удовольствием; что борьба была бы неравная для меня, если все дело не будет совершаться

* Бывшим тогда директором военно-топографического депо.

** В. А. Инсарский в своих записках (Рус. Архив, 1873 г. стр. 530) пишет, что Государь потребовал к Себе все изготовляемые по департаменту (государственных имуществ) доклады — в последних числах декабря 1836 года. Здесь, очевидно, ошибка, и вместо 1830 г. должно быть 1835 г.

*** Граф Эссен был в то время С.-Петербургским генерал-губернатором.

под Его, Государевым, личным влиянием; что, наконец, я на этот предмет совершенно полагаюсь на Его Величество и благодарю за доверие, которое потщусь оправдать всеми силами, доколе их не утрачу, ибо... — “Да ты хотел ехать в Карлсбад, — но на сколько тебе нужно?” — “О здоровье уже думать не должно, Государь, когда дело идет о службе столько важной. Я желал ехать на три месяца, но поездка моя может быть отложена до удобнейшего времени.” — “Нет, без здоровья ничего не делается, а три месяца нисколько не повредят нашему предприятию.” — “Впрочем, Государь, об этом предмете я Вам доложу в свое время; но для устройства части, мне вверяемой, надо некоторое основание: надо чиновников, не много, но хороших, и нужно предварительно дело это обдумать.” — “Повидайся с Сперанским, Я ему говорил о Моих намерениях и прошу тебя сообразить все это с ним, дабы представить мне общее ваше предположение об устройстве этого дела. Я уверен, что оно пойдет хорошо, потому что мы друг друга понимаем. Ты будешь Мой начальник штаба по крестьянской части. Еще раз спасибо. С Божьей помощью дело наше устроится, Я уверен”». Мысли, переданные Киселевым Сперанскому, и совещания с ним и князем Васильчиковым. Готовясь на свидание с Сперанским, Киселев мысли свои об исполнении возлагаемого на него поручения набросал в особой записке, в которой, между прочим, говорилось следующее: «Государь предполагает новое устройство казенных крестьян принять под личное Свое заведование, а испытание оно исполнить в нескольких губерниях, начав с С.-Петербургской... В особом комитете должны быть начертаны главные основания, на которых преобразование казенных крестьян должно совершиться. Для производства дел учреждается временное отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Отделение это с начальником его подчиняется члену Государственного совета, генерал-адъютанту Киселеву, который руководствуется личными по сему предмету наставлениями Его Императорского Величества. Управление казенными крестьянами С.-Петербургской губернии вверяется конторе, учрежденной по примеру удельной...»

